

Общая газета, - 1999
25 февр. - 3 марта - с. 16

вас люблю

Женщины возвращают нас на землю. Иногда это губительно

В русской литературе осталось только два писателя, которых знают по имени — Белла и Фазиль. В отличие от Беллы Ахатовны Фазиль Абдулович — человек скрытный и нелюдимый. По-восточному неприступный. Его образ никогда не помещался прилепленное когда-то словечко «сатирик». К чему деление на жанры? Особенно сейчас, когда Фазиль Искандер — 70. А его «попытка поднять настроение себе и людям» увенчалась «Созвездием Козлтура», «Сандро из Чегема», «Кроликами и удавами», «Софичкой», множеством сборников стихов и прозы. Но главное, Искандер — редкое исключение — никогда никого не обманул. Он как никто соответствует нашему представлению о российском писателе. Как сказали бы за океаном, Искандер «политкорректен»: восточное происхождение, московская прописка, долгий брак, взрослая дочь и школьник-сын. Всегда — над схваткой. Никогда — в гуще.

Любить Искандера — уже давно не дело вкуса. Скорее, доказательство причастности, проникновения в ту тайну, которая зовется литературой. А быть знакомым с Фазилем Абдуловичем лично, пытаться проникнуть под маску внешней невозмутимости, значит стараться понять, что же это такое — «человеческое обхождение».

В последнее время Фазиль Абдулович все больше пишет стихи, тем самым вселяя в своих читателей надежду: если нынешнее время не чуждо рифме, стало быть, все не так плохо. Если поэт находит возможность говорить о любви, значит, мир за его окном еще способен понимать этот язык.

— Вы очень редко напрямую пишете о любви. В прозе еще куда ни шло, но в стихах! Такое «невнимание» к чувственной лирике совсем не характерно для российских поэтов. Пожалуй, стоит вспомнить только Заболоцкого, может быть, Твардовского. Вы сами замечали эту особенность?

— Поэт пишет только о том, что его по-настоящему волнует. Мне неинтересно описывать само чувство — как Симонову, например, который написал о любви целую книгу. В стихах меня всегда скорее привлекали более глубокие, психологические, подспудные темы. А любовные сюжеты чаще попадают в мою прозу.

— Никогда не поверю, что, когда вы только начинали писать, также чувствовали любовной лирики, как сегодня.

— Я действительно начинал со стихов, даже в Литературный институт поступал на курс поэты-песенника Коваленко. И до 30 лет писал только стихи (если, конечно, не считая журналистского опыта). Я был уверен, что поэзия — высшая форма искусства. Но, когда после погромного перерыва вновь разрешили издавать «Бабеля», я прочел «Конарию» и убедился, что, владея прозаической формой, можно оставаться поэтом. Моим первым прозаическим опытом стал рассказ «Пегу», позже опубликованный в «Юности».

До этого я часто ловил себя на

мысли — вот этот характер хочется отобразить на бумаге. Я понимал, что это желание не имеет ничего общего с поэтическим вдохновением. Но влияние Бабеля было чисто технологическим. Мое же человеческое мировоззрение сформировал Лев Толстой. Я прочел его еще в 16 лет, и с тех пор смотрел на мир его глазами. А Толстой говорил, что писать стихи — все равно что пахать и танцевать одновременно.

С годами стихи перешли на второй, третий план... А вот последние несколько месяцев я пишу почти только стихи.

— Правда ли, что художник может творить, только испытывая чувство влюбленности?

— Кто как. Тургенев признавался, что чуть ли не каждый его роман появился благодаря очередному чувственному переживанию. Но, согласитесь, трудно было бы услышать такие слова из уст Достоевского. Конечно, по каким-то косвенным признакам мы можем догадываться, в каком состоянии находился художник, когда писал то или иное произведение. Стихотворения, дух, поэтика «Войны и мира» наталкивают на мысль, что времена его написания были для автора вершиной его личного семейного счастья. А в «Анне Карениной» уже погрязли в грязи будущей семейной трагедии. Но все это можно лишь предполагать.

— Вы сами, напротив, однажды

признались в открытую: «вершат над мной инквизиторский суд Две женщины беспрестанно. Одну из них Музой условно зовут. Другая — жена, безусловно». Где взять «душильное мужество», чтобы вытерпеть это «двоеобразие»?

— Такое соперничество вечно и знакомо каждому художнику. Муза уводит поэта в чистое созерцание, женщина, даже любимая, возвращает его на землю. Это не всегда желательно, а иногда — губительно.

— Ты пар, живи один?

— Это очень понятный для меня жизненный принцип. Одиночество — банальное и естественное состояние художника. Ежеминутное трение о жизнь создает какое-то поэтическое экзистенциальное, но, чтобы его расшифровать, необходимо долгое одиночество. Я люблю одиночество, но предпочитаю присутствовать рядом близкого человека, который бы обеспечивал тот шорох жизни, что помогает жить и не мешать мыслить. Я люблю шорохи. Но не визги.

— Подчас восточный менталитет ставит мужскую дружбу на ступень выше, чем отношения мужчины и женщины. Не случайно именно вам Булат Окуджава посвятил стихотворение о том, как важно «с талантом для дружбы родиться». Для дружбы и любви нужен особый талант?

— Талант необходим для любого проявления жизни. Есть люди с повышенным талантом к дружбе, с повышенным талантом к любви. Про себя могу сказать, что я — человек с повышенной потребностью к дружбе. Вот только не уверен, что она сочетается с талантом.

— Если талант необходим во всех проявлениях жизни, значит, и собственную судьбу можно мерить художественными критериями?

— Я никогда ничего целенаправленно не строил, возможно, просто из-за природной лени. Не хочу оповещать читателей о подробностях своей личной жизни. По-моему, это довольно нескромно, даже вульгарно.

— Почему тогда вы назвали младшего сына Сандро — именем героя своего главного романа?

— Мне просто хотелось надеяться, что жизнестойкостью, свойственной моему герою. Но любые «прямые» отношения между героями и реальными людьми — чрезвы-

чайно опасны. Я боюсь «сплывания» со знакомых характеров для моих персонажей, всегда стараюсь сделать прототип неузнаваемым. Иногда это не удается. Так было с «Созвездием Козлтура»: герой себя узнал, его узнали многие люди в Абхазии и, конечно, каким-то образом подсмеивались над ним — я испытал тогда очень горькие, неприятные чувства.

Мне вообще неприятно обижать людей. Потому и в литературных скандалах никогда не участвовал, и ругательные рецензии — не мой жанр. Никогда не буду с пеной у рта защищать даже высокие идеалы: мне достаточно литературы.

— А вас обижает?

— К сожалению, я помню все обиды со времен детского сада. Хотя внешне я — человек вроде бы не злопамятный. В известной мере эта особенность — свойство художественной памяти, стимул к творчеству. Например, свою первую повесть «Созвездие Козлтура» я написал от обиды за наше сельское хозяйство.

— Ну, так действительно можно обижаться ежедневно?

— Я такой, какой есть. Ну люблю я кукурузу, и очень обиделся! Это личное чувство: ни на какие общественные телодвижения я не способен. Я был депутатом от Абхазии Первого, горбачевского съезда и вспоминаю это время с некоторым ужасом. Не в моей натуре быть с толпой, даже доброжелательно настроенной. Мне вообще кажется, что любая идея может плодотворно развиваться только между двумя-тремя, максимум, четырьмя собеседниками. Чем больше людей — тем поверхностности разговор. Предельная поверхностность — толпа и умение находить с ней общий язык.

— Для восточного человека самыми крепкими узами все равно остаются узы крови.

— Я ценю родство не в такой мере, как мама, воплощавшая в себе истинное патриархальное роение (от слова рои) сознание. Хотя я тоже в известной мере ощущаю себя человеком патриархальным.

Главное свойство патриархального общества — при всех его предрассудках, а иногда и жестокостях — приоритет человеческой личности, личного стыда, ответственности за свое поведение. В Абхазии еще 50 лет назад высшим наказанием для

человека было изгнание его из рода: живи где хочешь, а наши праздники и траурные сборища тебя больше не касаются. Бывало, человек умирал от тоски.

Движение цивилизации нивелирует личную ответственность, обезличивает этику. По телефону всегда соврать легче, чем в глаза. По Интернету отбрыгнуть проще, чем влезть в карман в трамвае. Этическая сторона дела заслоняется сложностью и интересом технического исполнения.

— Как выходя из мусульманской страны, вы, наверное, ощущаете «личностные» различия двух культур?

— Абхазцы частью мусульмане, чаще христиане. Хотя наша семья относилась к мусульманской ветви, но выраженных религиозных склонностей никто из моих родственников не выказывал. Мама молилась на ночь, но скорее отдавая дань деревенским обычаям, чем церковным ритуалам. И, кстати, принцип мусульманства относительно алкогольных напитков нарушался в доме довольно обильно. Хотя помню, как в детстве упорно не ел сало, несмотря на соблазн. Я был горд этим самоограничением. Возможно, сама природа требовала опоры, жесткого принципа, схемы поведения.

— Сегодня мне ближе христианство. Я думаю, что религия в какой-то степени выбирается согласно темпераменту. Не случайно буддизм как религия неподвижности распространен на Востоке, самая темпераментная религия — мусульманство — связана с кочевыми народами. Христианство стоит где-то посередине: поощряет созерцательность и призывает к деятельности доброты.

— Я знаю, что вы говорите по-абхазски. А бываете на родине часто?

— Раньше один-два раза в году. Сегодня, когда ближайшие родственники умерли, почти не езжу. Ностальгия по Абхазии неисчерпаема. Но бестелесное положение этой страны для меня так болезненно, что видеть ее воочию мне слишком тяжело. В Москве удается абстрагироваться.

У меня всегда была мечта — сейчас я отношусь к ней с некоторой иронией — жить в маленьком, достаточно интеллигентном городе, с

парочкой друзей и приятным климатом. Но я понимаю, что поменять географию жизни уже невозможно. Для меня даже география квартиры свята и нерушима. Я очень консервативный человек во всех сферах живой жизни. Может быть, это в какой-то мере способствует бесперебойному движению жизни внутренней.

— В представлении о мужчинах и женщинах вы столь же консервативны?

— Я с иронией отношусь к феминизму. Феминизм отнимает у женщины главное чувственное очарование — очарование стада. Феминизм хочет, чтобы женщина психологически не отличалась от мужчины. Но это неестественно и противоречит самой природе человека. Величайшее предназначение женщины — рожать и воспитывать детей — никогда не исчезнет.

Так что женщина равна мужчине не только в социальном плане.

— Вы чувствуете на себе груз ответственности как глава семьи, глава рода?

— Несмотря на свое происхождение, я нисколько не претендую на эту роль. В наше время в России, в среде интеллигентных людей, многие черты патриархальной семьи утрачиваются. Остается только ответственность за материальное положение семьи.

— Сохранится ли в будущем такой патриархальный в общем-то институт, как семья?

— Семья — не дань патриархальности, а естественное состояние человека. Это первоначальный стимул для дальнейшей гармонизации жизни.

— Однако и семья не остается неизменной, в последние время появляются нетрадиционные семьи, однополые браки. Это результат планомерного развития общества или временные «казусы»?

— Я никоим образом не приветствую пропаганду подобных «новшеств» (тем более что они существовали еще в Древней Греции и никак не связаны с развитием цивилизации). Разумеется, все это — если только оно не агрессивно — может иметь место. Но я против пропаганды, способной сбить физиологически незрелых и нетвердо стоящих на ногах граждан.

— Выходит, вы признаете существование определенных табу? Когда-то в рассказе «Тали» вы написали: «шутливой формой чечемцы умели обходить все табу языческого домостроя». Каким тем вы никогда не коснетесь, даже если в обход?

— Если говорить о принципе открытости, то не вижу смысла позволять себе больше, чем позволяли Толстой или Достоевский. В жизни человека, в его психологии еще столько глубоких неразгаданных загадок, что незначечем стремиться к особым обматываниям только ради обматывания. Неужели Достоевский не залучивался о том, как складывать язык более выразительным? Но он знал предел и этическую границу.

— Но ведь время раздвигает границы?

— Ну и что? Действительно, в XX веке язык серьезной литературы стал несколько откровенней. Но то, что многие позволяют себе сегодня, — не творческое освобождение, а признак неполноценности. Я знаю только одного писателя, который, ругаясь матом, выражает свою сущность, — это Юз Алешковский. Но это исключительный человек со своим исключительным правом.

Равно как неприличными ситуациями, жесткие натуралистические сцены, все это — признак слабости тех, у кого не хватает способностей оставаться художником в пределах

нормы изображения. Никакие натуралистические способности не могут внушить того ужаса, который испытываешь, узнав об убийстве старухи-процентщицы.

— Вот вы и выступаете в роли цензора!

— Существовавшая в советские времена цензура на 90 процентов состояла из политических ограничений, на 10 процентов снимали пошлость и грубость. Я, конечно, против жесткого пуританства, но еще более против охана. Мне, например, очень скучно читать современную литературу. Почту двести страниц — и брошу.

Цензура должна быть свойством человеческой природы. Вышло так, что свобода оказалась по зубам далеко не всем. Ведь свобода — это прежде всего добровольное, радостное самоограничение человека.

— Сегодня, в день семидесятилетия, вы чувствуете себя свободным человеком?

— Я всегда чувствовал себя довольно свободным. Как человек: в моей биографии были разные периоды, пришлось поработать даже в партийной газете «Курская правда». Но мне ни разу не предложили вступить в партию. Моя писательская манера всегда позволяла найти возможности говорить о том, о чем нельзя. За счет какого-то стилистического утончения.

— Однажды вы написали: «Присядь же на обломки жизни, / И напиши еще хоть раз, Для неубойчивой отчужденности / Юмористический рассказ». Неужели все так просто?

— Сверхзадачу творчества я понимаю как «попытку поднять настроение себе и людям». Я все же писатель-сатирик, и в этих словах есть элемент игры. Но есть и серьез. Жизнь и так довольно мрачная штука. Да и сам я частенько впадаю в депрессивное состояние. Благодаря творчеству я встаю из депрессии, а если верить приходящим на мое имя письмам, помогаю в этом благом деле и некоторым читателям.

К сожалению, современные формы познания удаляются от книги. Такая угроза уже нависла. Но более удобной формы, чем книга, для получения духовной информации, художественного наслаждения — не придумано. Все остальные формы облегчают восприятие, и в то же время обкрадывают читателя. Он перестает быть соавтором. А без тех страстей, которые порождает книга, человеческая жизнь становится неполноценной.

Беседавала
Юлия ЧУПРИНИНА
Фото
Сергей ХВОРОСТОВА

Не стоит стесняться и ежиться

ЧТО ВСПОМНИТЬ по случаю юбилея? Смешное? Ладно, хотя только смешно все равно не получится.

Когда разогнали «Новый мир» Твардовского, Искандер отправил Косыгину телеграмму, которую сперва начал так: «Я взбешен!».

Мы — легки: «Ты что, с ума сошел? Представляешь, как он взбешелся?» Бывало, и мы писывали (и подписывали), но: «Уважаемый... берем на поруки...» и то без толку, и то не без несмертельных репрессий: ну, за границу не пустят, ну, книга не выйдет. А тут...

Что — тут? Понятно: внутренняя свобода, у Искандера — редкость. Но еще и благо-расположенность. Да! Волю или, скорее, неволю, но, обращаясь таким манером к нашему угрюмому премьеру, Фазиль словно бы допускал возможность, что и тот среагирует на возмущенный человеческий вопль по-человечески.

А тот шанс, который он — в «Пирах Вальтара», в главе из «Сандро» — дает Сталину, когда ненавидит совершенно неуступчиво? (Не пересказывая общезвестного — или того, что должно быть общезвестно.) Сарказм? Отчасти — возможно. Но главное: «Я подозреваю, что вы чувствуете жалость к погибшей душе», — так он задним числом объяснил мне смысл этого шанса.

Потому Искандер — не «юморист», не «сатирик», а писатель, сочинивший — что уж стесняться и ежиться? — великий роман. Один из немногих лучших в XX веке.

Станислав РАССАДИН

Борода Маркса

ФАЗИЛЬ АБДУЛОВИЧ Искандер производит впечатление человека основательного, расхождущего мудрость и юмор без скупости, однако и без лишнего расточительства. Он внимательно слушает, тщательно отбирает слова, разговаривая. На смешное реагирует внезапно. Коротко и громко смеется, словно без инерции. Да. Инерции в нем нет.

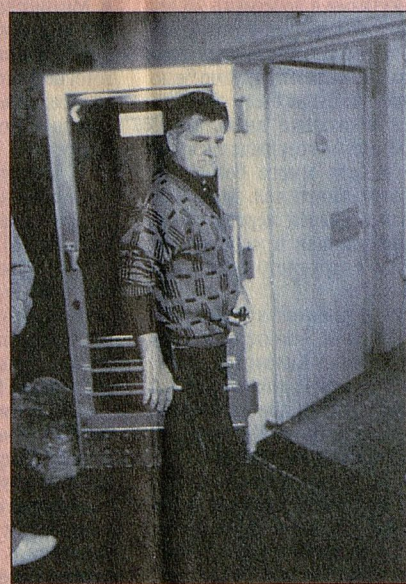
И поэтому, затеяв на пароходе «Тарас Шевченко» акцию, под названием «Бритье Маркса», организатор ее — знаменитый джазовый музыкант Владимир Чекасин и участники, среди которых можно узнать

Андрея Битова (он в треуголке), ударника Владимира Тарасова (он с шевелюрой) и Петра Первого (этот из воска), опасались, что Фазиль Абдулович если и станет участвовать в игре, то лишь зрителем.

Однако Фазиль не только включился в действие, но и решил его возглавить.

Задумывая акцию, Чекасин заказал рутинный портрет основоположника с бородой из мочалы, опасные бритвы и пену. С помощью пены создали бороду и всем участникам.

— Шутка рождается сразу с бородой, — прокомментировал Искандер и под жизнеутверждающую музыку отправился брить классика.

Фазиль Искандер после бритья

Он работал тщательно и серьезно. А потом каяту опасил громкоподобный и воспитательный смех Фазили. Под мочалой оказалась борода нарисованная.

— Мы взяли за безнадзорное дело. Борода Маркса бессмертна.

Юрий РОСТ

Урок диалектики

ПОСКОЛЬКУ сейчас уже вполне отменно просматриваются концы века и тысячелетия, а также по случаю юбилея дорогого

Фазили Абдуловича, мне пришла пора каяться, а также восхвалять его за ум, принципиальность, доброту и преподавший мне урок диалектики.

Дело в том, что около 20-ти лет назад я однажды совсем напился пьян до посинения в обществе классика современной литературы А.Б., после чего А.Б. по моему настоятельному требованию привел меня в квартиру Л.З. Копелева и Р.Д. Орловой, с которыми, равно как и с Фазилем Абдуловичем, я тогда соседствовал. Крикнув на пороге «Свобода Сибири!», я упал бездыханным, а когда проснулся в ужасе и тоске, то надо мной склонился и внимательно на меня смотрел Фазиль Абдулович, весь в черной кожаной куртке и фуражке, как греч-шофер из романа «Мастер и Маргарита».

Идем отсюда, тебе здесь больше не нужно оставаться, — твердо сказал он.

Я и пошел за ним, сердечно, но невнятно прощаясь с гостеприимными хозяйками.

— Выпей, — властно сказал мне Фазиль Абдулович, приведя меня в свою квартиру и налив полстакана водки.

— Никогда! — зашатался я от горя.

— Выпей! — императивно повторил он и добавил: — Но больше никогда так не делай!

Я и выпил, закружившись. С тех пор меня редко кто видит пьяным, что могут подтвердить и моя жена, и сам Фазиль Абдулович, с которым мы снова стали соседями. А ведь все могло бы быть по-другому. Но — алкоголь губит Россию, а пьянство спасает.

Евгений ПОПОВ
Фото Юрия РОСТА

Главный редактор номера: Виталий ЯРОШЕВСКИЙ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
Общая газета. Периодическая печать
по согласованию с редакцией,
ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ
Отдел рекламы:
Тел.: 915-75-23, 915-51-80. Т/ф: 915-26-06
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81
Связи с общественностью:
Валерия ГЛАДЫЙ, Евгения СОЛЖУХИНА
Тел.: 915-70-40

Верстка компьютерного центра
«Общая газета»
Технический директор
Валерий МАКАРОВ

С этим знаком публикуется
пресс-релиз, информационно-
коммуникационный материал.
Редакция не несет ответственности
за содержание рекламных текстов

Отдел распространения: Людмила ЛИР. Тел.: 915-53-89
Общий тариф «ОГ» — 266168 экз. (региональный — 190000 экз.)

Цена свободная
Розничное распространение в Московском Метрополитене —
агентство «МЕТРОПРЕСС»
в С.-Петербургском Метрополитене —
ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ОАО ПО «Пресса-1»,
125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.

Номер подписан в печать 24. 02. 99 г.
Заказ 430.

Наш подписной индекс: 32138

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1. Справки по телефону: 915-22-88; факс 915-51-71, e-mail: ogtech@corbina.ru. Электронная версия «ОГ» в Internet: www.park.ru; www.nns.ru; www.integrum.ru; www.russianstory.com. Адрес «Гостиной «ОГ»: 121151, Москва, Куззовский пр., д. 22

Редактор: Дмитрий ДОКУЧАЕВ, Владимир КИСЕЛЕВ, Анатолий КОСТЮКОВ, Юрий ПАТРИН, Анна ПОЛИТКОВСКАЯ, Юрий СОЛОМОНОВ, Ольга ТИМОФЕЕВА, Игорь ШЕВЕЛЕВ, Егор ЯКОВЛЕВ, Виталий ЯРОШЕВСКИЙ. Дирекция выпуска: Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Светлана КАРТАШЕВА (корректура).
Руководители направлений: Сергей ВАРШАВИЧ (СМИ), Дмитрий ГОРБАЧЕВ (информация), Наталья ГРИГОРЬЕВА (город), Еран ЖУРАБАЕВ (международная жизнь), Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Илья МЕДОВОЙ (мировоззрение), Елена СКВОРЦОВА (право), Обозреватели: Наталья АЛЯКИНСКАЯ, Олег ВЛАДИКИН, Максим ГЛИННИН, Елена ДИКУН, Геннадий ЖАВОРОНКО, Виктор ЛИТОВКИН, Юрий РОСТ, Борис СИНЯВСКИЙ, Дмитрий СОКОЛОВ, Марина ТОКАРЕВА, Татьяна ХУЛЯКОВА, Борис ПАНКИН (Стоктон), Борис ШЕСТАКОВ (Булаещт).
Представители за рубежом: Эльмира АХУНДОВА (Баку), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Эдуард ГОВОРУШКО (Рига), Лариса ДЯЧУК (Киев), Наталья ЛОПАТИНСКАЯ (Вильнюс), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРИАН (Ереван), Борис ШЕСТАКОВ (Булаещт).
Исполнительный директор Наталья КЛОЧКО. Финансовый директор Елена ПАНОВА. Директор по развитию Елена РЫМКО.